

Х. М. ЛОПАРЕВ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ

Хотя имя Хрисанфа Мефодьевича Лопарева и на слуху у хантымансийцев, известно о нём на родине не так уж много - в основном по словарным биографическим справкам, его книге «Самарово» и статье Л. В. Азадовской «Крестьянин села Самарово», написанной в результате исследования документов личного фонда Х. М. Лопарева № 107 в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук. Из этого же источника почерпнуты и 148 писем, составивших недавно изданный окружной библиотечной сборник «Самаровский петербуржец: письма сибиряков к Х. М. Лопареву».

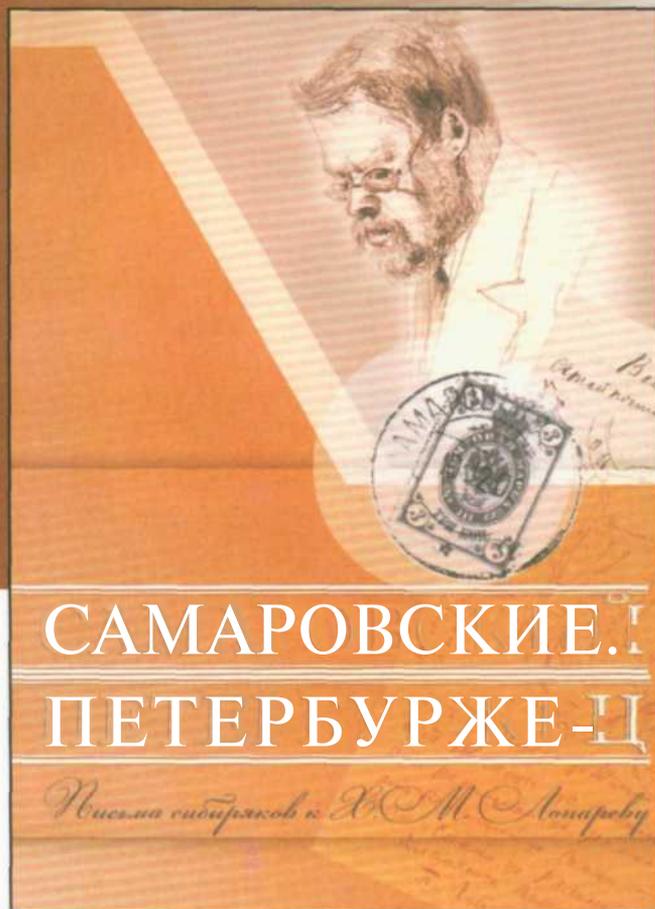
Значение публикации видится прежде всего в том, что о 36-летнем отрезке исторического времени (1882-1918), от которого до наших дней в силу ряда причин дошла лишь небольшая часть письменных источников частного характера, свидетельствуют сами жители села Самарова.

Письма открывают нам живую достоверную картину повседневности. Они рассеивают туман минувших десятилетий и оживляют стертый образ прошлого, чтение их в какой-то момент становится похожим на просмотр документального фильма. Наш взгляд на самаровскую историю очищается от схематизма, мы начинаем различать лица местных деятелей, черты характеров, мотивы поступков.

С другой стороны, из этих же писем мы узнаем много нового и об их общем адресате - Х. М. Лопареве. Хотя письма самого Лопарева на родину неизвестны, но черты его личности вполне явственно проступают в отраженном свете - в содержании и интонациях писем его корреспондентов, затрагиваемых темах, характере обращения и т. п. И портрет «самаровского петербуржца» вырисовывается весьма привлекательный.

С первых лет учебы Лопарева в Петербурге земляки увидели, насколько заботлив он по отношению к близким. В ноябре 1883 г. умер его отец Мефодий Лаврентьевич. Извещая об этом Хрисанфа, мать, Дарья Афанасьевна, уведомляла, что хлопочет о возвращении из армии старшего сына Ильи. «Если же не получится мной желанный результат, - гласил ее суровый приговор, - то, хотя мне и прискорбно, но делать нечего, прошу тебя заменить военной службой брата...»

Не желая бросать учебу, сын нашел выход из этого крайне тяжелого положения, стал посылать матери деньги. В письмах из Самарова часто встречаются сообщения о получении денежных переводов. 12 декабря 1885 г. (Хри-

санф был еще студентом) брат Илья писал с места службы: «Братец, благодарю тебя и буду благодарить за то, что ты не забываешь мамашу. Ты знаешь, из какой нужды их выручил? Хлеб был ржаной 1 р. 50 коп. за пуд, да и того нет...»

Он же по возвращении со службы домой в мае 1888 г.: «... не нахожу слов, чтобы благодарить тебя за то, что ты не забываешь мамашу, она за тебя молит Господа день и ночь».

18 января 1894 г. Илья Мефодьевич, не прожив и шести лет после демобилизации, скончался. Посылавший от имени матери эту печальную новость двоюродный брат М. Н. Кузнецов прибавил от себя: «И я прошу тебя, будь добренький, не брось сирот, снабди теми средствами, какие только можешь в удовлетворение их найти».

а

Заботы о вдове и троих детях, которые Хрисанф Мефодьевич принял на себя после смерти брата, не ограничились регулярной отправкой денег. Ответственность его за детей брата была поистине отцовской, а заботы - всеобъемлющими. Переписываясь с племянником-подростком, а затем юношей Петром, невольно оказавшимся в положении главы семьи, получая письма от других самаров-

цев, Хрисанф Мефодьевич был хорошо осведомлен о состоянии семейных дел, все принимая близко к сердцу. Когда Петр сообщил весной 1899 г., что намерен начать заготовку леса на новый дом, он сразу взял на свой счет строительные расходы и писал Петру, чтобы строил дом просторный, в котором будет уютно его будущей семье. Одновременно на его средства строился дом и для его одинокой младшей сестры Евдокии.

В декабре 1903 г. Петр попросил дядю похлопотать об устройстве его на выгодное место - сидельцем в казенную винную лавку. В середине 1904 г. лавка в Самарове открылась, и Петр заведовал ею.

Вряд ли Хрисанфу Мефодьевичу была приятна роль ходатая и просителя, но он много раз исполнял ее, удовлетворяя просьбы не только близких, но подчас и незнакомых людей. Более того, разделенный с самаровскими родственниками немалым расстоянием, он был иногда вынужден и мирить их, и улаживать разные неприятности, обращаясь за содействием к авторитетным жителям села - например, к священнику Нестору Ивановичу Вергунову. Так, в 1908 г. пришлось выручать Петра, у которого в винной лавке обнаружилась недостача в 400 рублей. Словом, «большие дети - большие заботы».

Репутация заботливого отца сирот, радетеля о благополучии родных способствовала росту объема переписки между Хрисанфом Мефодьевичем и самаровцами. С просьбами о помощи, услуге к нему много раз обращались и дальние родственники, и совсем чужие люди.

М. В. Кузнецов: «Сердечно прошу Вас, любезный мой товарищ, пошли мне на бедность мою хотя 5 руб.» (13 авг. 1892 г.). А. Ф. Лопарев: «Если не обременяю, простите за просьбу, то вышлите на первую необходимость немного» (станция Пограничная, Маньчжурия, 3 мая 1904 г.). Д. И. Конев: «Из вынуждения пишу. У богатых братья - надо платить в три раза дороже, чем возьмешь. Но будьте уверены, крестинькой, поправится здоровье - уплачу, не оставьте мое положение, пособиите пострадавшему...»

Х. М. Лопарев считал за правило помогать нуждавшимся, об этом свидетельствуют многочисленные благодарности, высказанные в письмах. Сложившееся отношение к нему земляков так выразил М. Н. Кузнецов в письме 16 августа 1891 г.: «Отсутствие гордости вообще, усвоенной людьми высшего круга к низшему, вроде презрения, резко выделяет Вас из среды тех людей, кои перешли прихотью судьбы из мрака в свет. Вы же как были на родине добры сердцем и вообще кротостью по природе, так и вдали, в

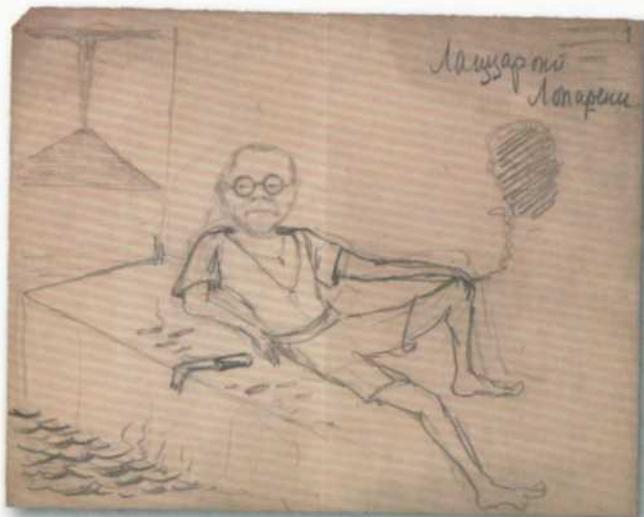
цивилизованном мире не изменили своего образа внутренней жизни».

8

Примечательно, что к Х. М. Лопареву нередко обращались за советом и содействием в делах, касающихся учебы. Пройдя нелегкий путь к высшему образованию, он сочувственно относился к тем, кто хотел учиться, и помогал, как мог.

Прежде всего он многое сделал для племянников. Старший, Петр, лишен был возможности учиться, т. к. с юных лет на его плечи легло семейное хозяйство, но Платон, который был на 10 лет младше, все годы учебы в Тобольском городском, а затем в Омском механико-техническом училищах пользовался поддержкой дяди. Младшая сестра Петра и Платона Акилина тоже некоторое время училась в Тобольске. Позднее, уже будучи замужней, она подготовилась и выдержала экзамен на звание учительницы.

Осенью 1899 г. к Лопареву обратился незнакомый ему земляк, уроженец села Реполово Дмитрий Семенович Худяков, окончивший Тобольскую гимназию и учившийся на юридическом факультете Московского университета. Уже обремененный семьей, он очень нуждался и просил совета, где бы можно было взять в долг 200 рублей с обязатель-

ством выплатить через три года после окончания курса. «Жалко покидать университет, - сетовал он, - расставаться со всеми мечтами. Уж лучше бы оставаться мне рыбаком... Не откажите, многоуважаемый Хрисанф Мефодьевич, в совете или хоть в небольшой помощи...» На письме - пометка Х. М. Лопарева: «Послал 100 рублей».

Худяков продолжил учебу, и когда дело близилось к окончанию университета, вновь просил своего безотказного доброжелателя об услуге. Теперь ему требовалось ходатайство о предоставлении места службы. Хрисанф Мефодьевич помог и на этот раз: благодаря протекции графини Е. П. Шереметевой, с мужем которой он был связан сотрудничеством, Худяков получил должность в Восточной Сибири.

Дочь друга детства 18-летняя Анисья Евстафьевна Земцова в письме из Харбина просила сообщить об условиях поступления на Петербургские естественнонаучные женские курсы и в женский медицинский институт и разузнать, нельзя ли найти дневную работу, т. к. курсы вечерние. «Простите, что обращаюсь к вам, - смущенно извинялась она, - но у меня, право, больше почти нет знакомых в Петербурге».

Уроженец Самарово Степан Михайлович Соскин, служивший в Тобольске помощником производителя работ поземельно-устроительного отряда, неоднократно благодарил Хрисанфа Мефодьевича за передачу посылаемых на его имя денег дочери Агнии и сыну Григорию, устроившимся где-то в Петербурге после окончания гимназий в Тобольске. Этот ряд примеров сочувственного отношения Х. М. Лопарева к желавшим учиться читатель имеет возможность умножить при знакомстве с письмами.

Читая их, понимаешь, что Х. М. Лопарев делал добро людям вовсе не из расчета, а по глубокому внутреннему побуждению, в силу понимания человека и сочувствия к нему. Его корреспонденты были не столь аккуратны, как он, в исполнении просьб, в чем сами признавались в письмах, но Хрисанф Мефодьевич не пенял и не платил той же монетой.

4

Близкие родственники, по-видимому, доставляли ему горькие минуты своими ошибками и проступками,

мелочными распрями, ревностью, несдержанностью, простодушно-хитрыми попытками манипуляции. Он был вынужден в каких-то случаях устанавливать истину с помощью других лиц, требовать объяснений, увещевать, но при этом сохранял снисходительность. В одном из писем Платона, в то время ученика механико-технического училища, Хрисанф Мефодьевич подчеркнул: «Вы рассуждаете вполне правильно». «...Вы написали чепуху» - забавно да и только.

Письма свидетельствуют и о гостеприимстве Х. М. Лопарева. Он принимал в своей квартире и состоятельных самаровцев, приезжавших по делам, и бедных студентов, и призванных в армию деревенских парней, оказавшихся

Петербургская газета 1913, 12 декабря.

13

ХЪ ЮБИЛЕЮ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ АДМИНЮТРАЦІА БИБЛИОТЕКИ.

Шаржъ А. ГАРТЬЕ.

Х. И. Лопарем, Майном, проф. Д. И. Чечулин*, Н. В. Гаврияовъ, Д. б Кобмо (лира*
торъ), проф. Н. П. Лихачев* («щв-директс, ь)

на службе в Петербурге или поблизости от него, которым, наверное, внимание земляка было особенно дорого.

Х. М. Лопарев был глубоко верующим человеком. В 1891 г., находясь в тяжелом нравственном состоянии после разрыва с невестой, он намеревался уйти в монастырь. М. Н. Кузнецов в письме 16 августа 1891 г. отвечивал его: «... но ведь душу спасти можно и на гражданском мирном поприще, стоит вести себя прямо, не иметь преклонения золотому тельцу да любить Бога и ближнего».

Лопарев поддерживал связи с самаровским духовенством: священником Нестором Вергуновым, псаломщиками Михаилом и Александром Кузнецовыми.

Бывший воспитанник Тобольской духовной семинарии Г. Н. Тверитин, ставший петербургским студентом, писал 23 сентября 1913 г. своей тете: «Хрисанф Мефодьевич мечтает о посвящении в стихарь. Ему хочется иногда читать в церкви Апостола».

В этом же году желание Х. М. Лопарева исполнилось, он был посвящен и получил право облачения в стихарь

(длинную прямую одежду священнослужителя с широкими рукавами) и богослужения.

Подытоживая сказанное о Х. М. Лопареве, мы можем заключить, что он был подлинно религиозен, вера в Бога в нем гармонически соединялась с нравственным поведением. «...Все гордятся Вами как примером человечества», - писал 17 января 1887 г. М. Н. Кузнецов.

Валерий БЕЛОБОРОДОВ

Текст иллюстрирован рисунками, хранящимися в фонде Х. М. Лопарева в ПФА РАН: Х. М. Лопарев, погрудное изображение. Рис. карандашом П. С. Шереметева. 4 декабря 1901 г.; Х. М. Лопарев, изображение в рост. Рис. пером сослуживца по Публичной библиотеке. Октябрь 1913 г.; «Лаццарони Лопарени». Рис. карандашом. Автор неизвестен. 1913 г.; «Лопарев в Неаполе». Рис. карандашом И. П. Пушкина (?). 1913 г.; Х. М. Лопарев за столом. Рис. пером.; К юбилею Публичной библиотеки. Шарж А. Гартъе. Петербургская газета. 1913. 12 декабря;